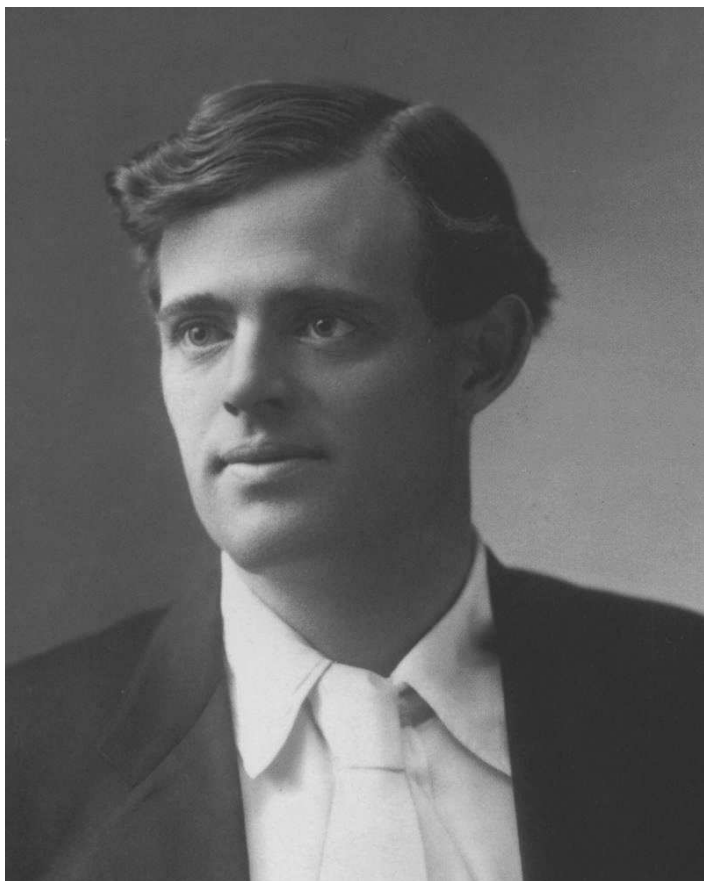

ЛЕГЕНДАРНЫЕ КНИГИ ЛИТАГЕНТСТВА ФТМ

КЛАССИКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ДЖЕК ЛОНДОН

1876-1916

Джек Лондон

Сердца трёх

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(2)
Л76

Перевод с английского Т. Кудрявцева

Лондон, Д.

Л76 Сердца трёх / Д. Лондон; [пер. с англ. Т. Кудрявцева]. – М. : T8RUGRAM / Агентство ФТМ. – 480 с. – (Легендарные книги литагентства ФТМ).

ISBN 978-5-519-61821-2

Последний роман знаменитого американского писателя Джека Лондона (1876–1916) «Сердца трёх» в переводе Татьяны Кудрявцевой покоряет своим интригующим сюжетом и необыкновенным динамизмом действия. Лондон показал себя в этом произведении певцом Приключения, поэтом романтической любви, развёртывающейся на фоне красочных, непривычных декорация Южной Америки.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(2)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-61821-2

© T8RUGRAM, 2018
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»,
2018
© Перевод. Т. Кудрявцева,
наследники, 2018

Предисловие

Надеюсь, читатель извинит меня за то, что я начинаю это предисловие с похвалы. Дело в том, что эта работа — юбилейная. Ее завершением я отмечаю свое сорокалетие, свою пятидесятую книгу, шестнадцать лет своей писательской деятельности и новое направление в своем творчестве. А «Сердца трех» — это новое направление. До сих пор я, безусловно, не создавал ничего подобного и почти убежден, что и впредь не создам. И я вовсе не намерен скрывать, что горжусь этой работой. А теперь я советовал бы читателю, который любит стремительное развитие действия, перескочить через все то бахвальство, что содержится в предисловии, и погрузиться с головой в повествование, — пусть он потом попробует сказать мне, что от моей книги легко оторваться.

Для любопытствующих разрешу себе кое-что пояснить. По мере того как кинематограф становился наиболее популярной формой развлечения во всем мире, запас фабул и интриг, накопленный мировой беллетристикой, стал быстро истощаться. Какая-нибудь одна кинокомпания с помощью двух десятков режиссеров способна экранизировать все литературное наследие Шекспира, Бальзака, Диккенса, Скотта, Золя, Толстого и десятков менее плодотворных писателей. А поскольку на свете сотни кинокомпаний, нетрудно сообразить, как скоро они могут столкнуться с нехваткой сырья, из которого фабрикуют кинокартины.

Право на экранизацию всех романов, рассказов

и пьес, издаваемых или подлежащих изданию определенными издательствами или лицами, уже давно куплено и зафиксировано договорами; если же попадает материал, право собственности на который истекло за давностью лет, то он экранизируется с такой же быстротой, с какой матросы, очутившись на берегу, усеянном золотым песком, набросились бы на самородки. Тысячи сценаристов — точнее будет сказать десятки тысяч, ибо нет такого мужчины, женщины или младенца, которые не считали бы себя вполне созревшими для написания сценария, — итак, десятки тысяч сценаристов рыщут по литературе (как охраняемой авторским правом, так и не охраняемой) и хватают журналы чуть ли не из машины, в надежде поживиться какой-нибудь новой сценкой, фабулой или историйкой, придуманной их собратьями по перу.

Кстати, справедливость требует отметить, что совсем недавно, в те дни, когда сценаристов еще не очень уважали, они надрывались в поте лица за пятнадцать-двадцать долларов в неделю, а случилось, что прижимистые директора платили им и поштучно: десять-двадцать долларов за сценарий, да еще в пятидесяти случаях из ста не выдавали сценаристам и тех грошей, которые им причитались; бывало и так, что товар, украденный сценаристами, в свою очередь, крали у них не менее бессовестные и беззастенчивые люди, работающие в штате. Так было только вчера, а сегодня я знаю сценаристов, которые имеют по три машины и по два шофера, которые посылают своих детей в самые дорогие школы

и вообще обладают устойчивой платежеспособностью.

В значительной мере именно из-за нехватки беллетристического сырья и начали ценить и уважать сценаристов. На них появился спрос, они получили признание, их стали лучше оплачивать, а от них требовать продукцию более высокого качества. Начались новые поиски материала, выразившиеся, в частности, в попытке завербовать известных писателей для работы в качестве сценаристов. Но то, что человек написал двадцать романов, еще не может служить ручательством, что он способен написать хороший сценарий. Как раз наоборот: очень быстро обнаружилось, что успех в беллетристике — верная гарантия провала на экране.

Но тут на сцене появляются хозяева кинокомпаний. Разделение труда — прежде всего. И вот, связавшись с могущественными газетными объединениями или с отдельными лицами, как это имело место в данном случае, — я имею в виду «Сердца трех», — они заказывают высококвалифицированным сценаристам (даже ради спасения собственной жизни не сумевшим бы написать роман) сценарий, который романисты (даже ради спасения собственной жизни не сумевшие бы написать сценарий) превращают затем в роман.

Итак, является м-р Чарльз Годдард к некоему Джеку Лондону и говорит ему: «Время действия, место действия и действующие лица определены; кинокомпании, газеты и капитал к нашим услугам; давайте договариваться». И мы договорились. Результат — «Сердца

трех». Ни у кого не может возникнуть сомнения в искусстве и мастерстве м-ра Годдарда после того, как я перечислю его творения, перу его принадлежат: «Злоключения Полины», «Приключения Илейн», «Богиня», «Обогащайся, Уоллингфорд» и т. д. Кроме того, имя героини данного романа — Леонсия — тоже им придумано.

Первые несколько эпизодов он написал на своем ранчо в Лунной долине. Но писал он быстрее, чем я, и закончил свои пятнадцать эпизодов на много недель раньше меня. Да не введет вас в заблуждение слово «эпизод». На первый эпизод ушло три тысячи футов пленки. А на последующие четырнадцать — по две тысячи футов на каждый. В каждом эпизоде около девяноста сцен, что составляет в общем около тысячи трехсот сцен. Итак, мы работали параллельно, каждый над своим куском. Когда я писал какую-то главу, я, естественно, не мог принимать в расчет того, что происходит в следующей или через двенадцать глав, так как я этого не знал. Не знал этого и м-р Годдард. Отсюда неизбежные последствия: нельзя сказать, чтобы повествование в «Сердцах трех» отличалось особой последовательностью, хотя, оно, безусловно, не лишено логики.

Представьте себе мое изумление, когда я, будучи на Гавайях, вдруг получаю от м-ра Годдарда по почте из Нью-Йорка сценарий четырнадцатого эпизода (я же в то время только еще трудился над литературной обработкой десятого эпизода) и вижу, что мой герой женат совсем не на той женщине! И в нашем распо-

ряжении всего только один эпизод, когда можно избавиться от нее и связать моего героя узами законного брака с единственной женщиной, на которой он может и должен жениться. Как это сделано — прошу посмотреть в последней главе или пятнадцатом эпизоде.

Можете не сомневаться, что м-р Годдард надоумил меня, как это сделать.

Дело в том, что м-р Годдард — мастер по части развития действия и гений по части быстроты. Развитие действия нимало не волнует его. «Изобразить», — спокойно указывает он в авторской ремарке киноактеру. Очевидно, актер «изображает», ибо м-р Годдард тут же начинает нагромождать одно действие на другое. «Изобразить горе!» — приказывает он, или «печаль», или «гнев», или «искреннее сочувствие», или «желание убить», или «стремление покончить жизнь самоубийством». Вот и все. Так и должно быть — иначе, когда же он завершил бы работу и написал свои тысячу триста сцен?

Но можете себе представить, каково пришлось мне, несчастному, который не мог ограничиться волшебным словом «изобразить», а должен был описать — и притом весьма подробно — все те настроения и положения, которые одним росчерком пера наметил м-р Годдард! Черт побери! Диккенсу не казалось чрезмерным излишеством потратить тысячу слов на описание и возможно более тонкую обрисовку горестных переживаний того или иного из своих героев. А вот м-р Годдард говорит: «Изобразить», — и рабы киноаппарата делают все, что нужно.

А развитие действия! В свое время я написал не один приключенческий роман, но во всех них вместе взятых вы не найдете столь стремительного развития действия, как в «Сердцах трех».

Зато теперь я знаю, почему так популярен кинематограф. Я теперь знаю, почему «Г-да Барнес из Нью-Йорка» и «Техасский горшечник» разошлись в миллионах экземпляров. Я теперь знаю, почему какая-нибудь напыщенная агитационная речь может привлечь куда больше голосов, чем самый прекрасный и доблестный поступок или замысел государственного деятеля. Переделка сценария м-ра Годдарда в роман была для меня интересным опытом — и весьма поучительным. Эта работа по-новому осветила давно продуманные мною социологические обобщения, подвела под них новую основу и укрепила их. После этой попытки испытывать свои силы как писатель в новой для себя области я стал понимать душу народа в его массе глубже, чем понимал до сих пор, и осознал — полнее, чем когда-либо, — каким высоким искусством жеста и мимики должен владеть демагог, привлекающий голоса избирателей на свою сторону благодаря своему умению играть на коллективной душе масс. Я буду очень удивлен, если эта книга не получит самого широкого распространения. («Изобразить удивление», — сказал бы м-р Годдард; или: «Изобразить широкое распространение».)

Если в основе этой авантюры, именуемой «Сердца трех», лежит сотрудничество, я восхищен идеей сотрудничества. Но только — увы! — боюсь, что такого